

А. Н. Медушевский

**Политическая социология
и история**

DirectMEDIA

Андрей Медушевский

**Политическая
социология и история**

«Директ-Медиа»

УДК 316
ББК 60.51

Медушевский А. Н.

Политическая социология и история / А. Н. Медушевский —
«Директ-Медиа»,

Данная книга посвящена проблемам политической социологии, рассматривающей взаимосвязь общества и государства, социального строя и политических институтов, общественности и власти, общественных интересов и политических действий. Работа базируется на широком теоретическом и эмпирическом материале. Основные вопросы исследования – социальная стратификация, социальный конфликт, механизм власти. Также приложен словарь терминов и понятий по политической социологии. Книга представляет интерес для философов, социологов, политологов, а также для всех, интересующихся проблемами политики. Печатается по изданию: Медушевский А.Н. Политическая социология и история. Новосибирск, Сибирский институт социального управления и политологии, 1990.

УДК 316
ББК 60.51

© Медушевский А. Н.
© Директ-Медиа

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Медушевский

Политическая социология и история

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которая лежит перед вами, посвящена политической социологии – науке, изучающей соотношение общества и государства, социального строя и политических институтов, общественности и власти, общественных интересов и политических действий. Эти проблемы издавна были предметом пристального внимания философов и историков. Особенно активно они разрабатывались в периоды динамичного развития общества, когда объективно возникал повышенный спрос на политические знания. Отнюдь не всегда и не везде люди, игравшие в политической практике ключевую роль, способны были адекватно оценить значимость и полезность знаний о закономерностях политических процессов. Нередко они предпочитали действовать посредством импровизаций, полагая, что политика требует скорее развитой интуиции, нежели профессионализма и научной фундированности. Однако победителями в политических схватках как правило оказывались те, кто смог всесторонне осмыслить политические реалии, глубоко освоить имеющийся политический опыт. Без этого политик, какими бы благородными мотивами он не руководствовался, какими бы высокими моральными качествами он не отличался, постоянно будет рисковать погубить себя, равно как и движение, которое он возглавляет. Разумеется, профессионализм и хорошее знание закона политической жизни отнюдь не единственное слагаемое доминирования той или иной политической линии. Но при прочих равных условиях это слагаемое становится решающим.

С древнейших времен мыслители стремились аккумулировать и систематизировать опыт политического развития, выразить его в теоретических схемах и практических рекомендациях. Платон и Аристотель, Макиавелли и Гоббс, Руссо и Монтескье, Маркс и Вебер, Ленин и П. Сорокин – все они прекрасно понимали, что без знаний о технологии государственного управления и политической борьбы оказываются нереалистичными любые проекты общественного переустройства, остаются нереализованными любые общественные идеалы. Поэтому всегда выдающиеся политические мыслители стремились перевести полученные ими теоретические результаты в плоскость практической политики, хотя не всегда эти намерения встречали отклик людей, стоящих у кормила государственной власти. Только в Новое и Новейшее время политическая наука начинает восприниматься и в сознании политической элиты, и в массовом общественном сознании как чрезвычайно важная вещь, имеющая несомненную практическую ценность. Это объясняется победой капитализма, политической эмансипацией третьего сословия, выходом на политическую арену рабочего класса, образованием крупных политических партий, переходом к практике всеобщего избирательного права. Лежащая в фундаменте индустриального общества экономическая конкуренция порождает острое политическое соперничество различных групп интересов по поводу распределения между ними государственной власти, по поводу ее устройства и отдельных ее мероприятий. Именно открытость политического процесса для легального и широкого участия самых разных социальных движений и инициатив определила массовый общественный спрос на политические исследования, которые с этого времени получают прочные институциональные формы и солидную экономическую поддержку. В XX столетии политическая социология была на Западе одной из наиболее бурно развивающихся дисциплин. Она представлена ныне во всех сколько-нибудь значительных научных центрах. Она преподается практически во всех университетах. Издается огромное количество политологических журналов. Литература по соответствующим проблемам насчитывает тысячи

и тысячи наименований. Оформились крупные политологические школы, выработаны эффективные методы исследования и развитый теоретический инструментарий.

В России до 1917 года и в советское время примерно до середины двадцатых годов политическая социология также получила определенное развитие. Особенно заметный вклад был внесен В. И. Лениным и его соратниками.

Но в дальнейшем в СССР картина была совершенно иной. Система, которую сегодня принято обозначать как административно-командную, была в значительной степени несовместима с политикой как областью взаимодействия социальных групп и организаций по поводу функционирования и структуры государственной власти. Подавляющее большинство населения оказывалось фактически выведенным за скобки политического процесса. Если политическое взаимодействие и имело место, то протекало оно в скрытых формах, и никто из его участников не был заинтересован в «девуализации» этих форм, в серьезном научном исследовании реальных структур и механизмов власти, действительных каналов и способов давления на нее. Поэтому советские работы, в названии которых фигурировало слово политика, в абсолютном большинстве носили откровенно апологетический и тенденциозный характер, и даже формальная институционализация политической науки в качестве самостоятельной дисциплины оставалась делом невозможным. Сегодня ситуация кардинальным образом меняется. В политику вовлекаются значительные массы населения, формируя тем самым широкий спрос на политологические знания. С другой стороны, более открытыми и доступными для научного анализа становятся механизмы подготовки и принятия политических решений. В этих изменившихся условиях исследования в области политической социологии оказываются столь же необходимыми, сколь и возможными.

Предлагаемая вниманию читателя книга одной из первых в советской литературе в целостном виде рассматривает основные проблемы политической социологии. В центре внимания автора оказываются наиболее важные сюжеты современной теоретической социологии в их политическом преломлении. Это, прежде всего, проблема социальной стратификации – проблема социального и политического неравенства. Это вопросы, связанные с социальным конфликтом, столкновениями социальных слоев и групп на основе различий их положения в системах собственности и власти. Это, наконец, сама власть – особый тип общественных отношений, позволяющий одним социальным группам и организациям определять поведение других.

Совершенно неправильным было бы рассматривать книгу А. Н. Медушевского как чисто академическую работу. Даже те её разделы, которые касаются на первый взгляд сугубо теоретических вопросов, имеют для нас сегодня повышенную практическую значимость. Возможно, мы смогли бы избежать весьма нежелательной процедуры перманентной переделки политических институтов, перманентного пересмотра политико-правовых норм, если бы исходные проекты политической реформы были в большей степени теоретически подготовлены и обоснованы, если бы они в большей мере учитывали опыт, накопленный современной политической наукой. Возможно, удалось бы избежать слишком легковесных схем при анализе расстановки общественно – политических сил в стране, если бы общество располагало более серьезными знаниями о природе бюрократии и её подлинной роли в современном, рационально организованном обществе. Есть, иными словами, все основания надеяться, что предлагаемая книга будет способствовать формированию в советском обществе более зрелой, более высокой политической культуры. Это жизненно важно в ходе сегодняшней перестройки, когда существует острая необходимость в эффективно работающем государственном управлении, в политической консолидации общества, в терпимости к различным политическим концепциям и идеям, их взаимодействию и взаимовлиянию.

Достоинством настоящего исследования является и то, что автор стремится рассматривать теоретические проблемы в конкретно-историческом контексте. Подобный подход к делу

следует всячески приветствовать, учитывая, что до сих пор политическая социология, с одной стороны, и политическая история – с другой, чаще всего развиваются как самостоятельные дисциплины, имеющие мало точек соприкосновения из-за различия методов и подходов к исследуемому объекту.

Историков интересуют, прежде всего, условия и причины появления тех или иных политических институтов, социологов – механизмы и формы их функционирования в политическом процессе.

Автор достаточно убедительно показывает, что оба названных подхода не только не исключают, но предполагают друг друга при изучении сложных общественно-политических феноменов. Именно использование сравнительно-исторического метода позволило автору дать развернутую характеристику структуры и функций бюрократии в обществах различного культурно-исторического типа.

Книга А. Н. Медушевского представляет собой исследование, выполненное на высоком теоретическом уровне и богатом эмпирическом материале. Поставленные в ней вопросы чрезвычайно значимы для современной советской политической практики. Предложенные решения хорошо продуманы и нетривиальны. Поэтому книга вызовет интерес не только у профессиональных философов, социологов, политологов, но и у политиков-практиков, а также у широкого круга читателей, увлекающихся проблемами политики и пытающихся осмыслить современную политическую реальность.

С. В. Кулешов, А. В. Лифанов, Е. А. Соловьянов

ВВЕДЕНИЕ

О значении и важности социологии как науки писались и пишутся научные труды, ведутся дискуссии. В то же время, по-прежнему нельзя сказать о том, что предмет, задачи и методы этой дисциплины в отечественной науке точно определены, а сама она прочно вошла в практику нашей жизни. Об этом может свидетельствовать уже хотя бы тот факт, что еще не так давно у нас возможен был спор о том, нужна ли вообще такая наука, имеет ли она какие-либо отличия от философии вообще и исторического материализма в частности и если имеет, то в чем специфика ее предмета и метода. Очевидно, что при такой постановке дела невозможна была подлинно научная разработка проблем социологии, тем более ее преподавания в высшей школе.

В то же время социология, основанная Огюстом Контом еще в начале прошлого века, продолжала развиваться на Западе и особенно в США и достигла там значительного успеха. Без современной социологической теории, представленной рядом крупных научных направлений и школ, связанных с ними программ конкретных социологических наблюдений, данные которых обрабатываются с помощью новейшей электронно-вычислительной техники, невозможно сегодня представить ни одно крупное социальное мероприятие. Можно констатировать широкое применение социологических исследований в бизнесе, изучении социальных структур и их функционирования, политического процесса, организации власти и лидерства. Социология повсеместно включена в программы высших учебных заведений, является одной из наиболее популярных дисциплин (отчасти сменив в этом отношении право), на ее развитие и распространение не жалеют средств. В то же время, можно констатировать сближение или даже интеграцию с социологией всех других общественных дисциплин – философии, истории, политической экономии, этнографии, юриспруденции и других, каждая из которых в большей или меньшей степени претерпела общий для них всех процесс социологизации. Действительно, имена крупнейших социологов XX века – Макса Вебера, Питирима Сорокина, Толкотта Парсонса и др. можно в равной мере встретить как в собственно социологической литературе, так и в многочисленных трудах по философии, праву, истории. Все это не значит, конечно, что социология полностью вытеснила или тем более заменила собою другие науки. Совсем напротив: развитие социологии стало возможно не вопреки, а вследствие развития многих конкретных областей человеческого знания, объяснение и синтез которых как раз и составляет ее основную задачу.

Здесь мы вплотную подошли к важному вопросу о предмете и методе социологии как самостоятельной научной дисциплины. Дать их обоснование и означает в сущности установить соотношение социологии с другими науками об обществе и в то же время – провести разграничительную линию между ними. И в прошлом и в настоящее время вопрос этот был предметом острых споров. Одни ученые полагали, например, что социология есть не что иное как простая сумма, сводка достижений других – конкретных наук, накапливающих свой материал путем непосредственных наблюдений фактов реальной жизни. На этом основании за социологией вообще отрицалось звание самостоятельной научной дисциплины. Специфическим проявлением этого же взгляда явились различные попытки отождествить социологию с какой-либо другой общественной или естественной наукой – правом, психологией, этнографией, экономикой, историей, наконец, биологией и т.п. Так возникали, а в определенной степени и продолжают существовать различные школы и направления в социологии, связывающие ее дальнейшее существование с разработкой той или иной области человеческой деятельности того или иного фактора общественного бытия, который признается решающим и определяющим все остальные. Понятно, что такой подход в любом конкретном его проявлении уже в момент своего возникновения вызывал веские возражения оппонентов, каждый из которых мог при-

вести вполне убедительные контраргументы и факты, не укладывающиеся в предложенную схему. Следует отметить, однако, что возникновение данного взгляда имеет и имело, особенно на начальном этапе развития социологии, определенные основания объективного характера. Главным из них явилось общее состояние всех наук об обществе, переходный период в их развития. Не случайно основатель социологии – О. Конт определял прогресс человечества как развитие знания, которое идет в три этапа: от теологических систем к метафизическим и от них – к позитивному (т.е. подлинно научному, реальному) знанию. Тот период, когда закладывались основы социологии и формировался ее метод, явился, согласно рассмотренной выше периодизации, эпохой перехода от метафизики к позитивизму, сопровождавшегося существенной трансформацией методологических основ общественных наук. Отказавшись, с одной стороны, от цельных метафизических систем и вместе с тем единого общего взгляда на мироздание, который был свойственен предшествующей философской традиции, прежде всего классической немецкой философии, наука, в то же время, не выработала еще нового целостного представления об обществе как единой системе со свойственными ей отношениями и противоречиями. Социология как «позитивная» наука могла, поэтому, лишь декларировать создание такого общего взгляда, а реально изучать лишь отдельные факторы, социальные структуры и учреждения, их иерархию и степень влияния. В условиях временной утраты общей перспективы социология долгое время не могла, по-видимому, ставить себе других задач.

Другой взгляд на социологию, восходящий также к Конту, Спенсеру и Миллю и легший в основу современной социологической теории, сформировался в русле неокантианской традиции в конце XIX – начале XX вв. Философское обоснование он получил прежде всего в трудах немецких ученых, в частности, В. Дильтэя, Г. Риккерта и В. Виндальбанда, идеи которых определили представления о социологии как науке, качественно отличной от всей той совокупности научных дисциплин (и каждой из них в отдельности), которые составляют ее основу. Согласно данному учению все вообще науки распределяются на две большие группы – номотетические и идиографические в соответствии с предметом их изучения. К первой группе наук – номотетических – относятся те, которые исследуют процессы и явления закономерные, а цель этих наук как раз и состоит в отыскании этой закономерности, открытии за разнообразием проявлений повторяемости, типичности и единства, которые, по закону экономии мышления, должны быть сведены к простым формулам, выраженным математически и поддающимся эмпирической проверке. Ко второй группе – наук идиографических – относятся те из них, которые имеют дело с явлениями неповторимыми, индивидуальными (отсюда их название), которые не подчиняются в своем развитии никакой определенной закономерности, а потому и не могут быть выражены в виде формулы. К числу таких наук относятся все те дисциплины, которые, в силу особенностей своего объекта и методов его изучения, вынуждены работать на уровне описания явлений, а не анализа закономерностей их развития.

Таковыми науками являются, например, биология, геология, все или почти все науки об обществе и прежде всего история. Отметим, что данное противопоставление наук номотетических и идиографических является в какой-то степени модификацией известной идеи Конта, который в своей классификации наук, распределяя их на абстрактные и конкретные, социологию, как науку синтезирующую, противопоставлял истории, как науке конкретной, эмпирической, задачу которой составляет сбор фактов для последующего обобщения.

Исходя из этого процесс образования понятий в науках двух групп совершенно разный. Если в науках номотетических он находит выражение в формулах, отражающих общие всем явлениям данного типа свойства, то науки идиографические оперируют понятиями, представляющими собой исследовательские конструкции – «идеальные типы», которые могут лишь в большей или меньшей степени приближаться к истине, но неспособны выразить ее полностью. Цель «идеального типа» – выразить не все, а лишь наиболее общие, типические черты данного явления или процесса. Поэтому он, являясь результатом исследовательской конструк-

ции, неизбежно приобретает (в отличие от математической формулы) субъективный характер, являясь не столько результатом познания, сколько средством его.

Все сказанное делает понятным, каким должен был стать новый взгляд на социологию, сформулированный на основе метода идеальной типизации. Социология в указанном ее понимании призвана была стать наукой, синтезирующей по преимуществу. В русле данной научной традиции социология к началу XX века уже достаточно четко определила свой предмет и метод в качестве самостоятельной научной дисциплины. Споры на эту тему и труды Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и особенно М. Вебера по этим проблемам создали философские основы и принципы того метода, который мы теперь называем социологическим. Смысл существования социологии, как самостоятельной науки, был найден в создании (на основе данных других наук, носящих индивидуальный характер) таких идеальных типов или образов явлений, которые обобщают их наиболее характерные черты с целью выяснения устойчивых связей и отношений между ними, решения вопроса об их преемственности в общеисторической перспективе. До сих пор мы говорили только о немарксистской философии и социологии, поскольку современная социология как наука, получавшая развитие преимущественно на Западе, нашла свое обоснование именно в русле данной научной традиции. Данное обстоятельство не исключает, однако, определенное влияние на социологию марксистской мысли, прежде всего в тех областях, которые непосредственно изучают социальные и классовые противоречия, революционный процесс, проблемы идеологии, как, например, социология конфликта, рассматривают ключевые проблемы современности. Во всяком случае можно констатировать определенный рост интереса к данной научной проблематике, которая все более становится предметом осмысления как теоретической, так и конкретной социологии. Таким образом, современная социология, при всем разнообразии составляющих ее направлений и школ, представляет собой науку, место и значение которой вполне определилось. Из дисциплины, само существование которой еще не так давно ставилось под сомнение, социология очень быстро превратилась в одно из ведущих направлений современной научной мысли и деятельности.

Существует, несомненно, объективное различие между историческим и чисто логическим подходами в научных исследованиях. В качестве примера такой ситуации в естественных науках (напр., биологии) можно привести изучение роста дерева. При историческом подходе в центре внимания окажется сам процесс зарождения, становления и развития дерева, стадии его роста, как например, возникновение дуба из желудя. Для историка главной проблемой становится вопрос о том, как данное явление возникло, какие стадии в своем развитии оно прошло и чем стало? Но возможен и другой подход к тому же явлению, состоящий в попытке раскрыть механизм его функционирования, например, понять, каким образом дерево устроено, как осуществляется подача в него питательных веществ, каковы каналы коммуникаций и т.д. При таком подходе центральным оказывается вопрос о том, почему данное явление вообще существует, «работает» так, а не иначе. При изучении общественных явлений таков именно подход социолога. Социология (в отличие от истории) изучает не столько развитие общества, сколько механизм его функционирования.

Этим определяется во многом место социологии в кругу других общественных дисциплин. Если философия подходит к обществу слишком абстрактно, используя главным образом метод дедукции, то история, наоборот, слишком конкретно, используя метод индукции и ставя своей задачей прежде всего получение критически проверенных фактов. Социология призвана дать синтез обоих подходов, состоящий в возможности построения общих понятий или моделей социальных явлений, опирающихся в то же время на данные эмпирических исследований и, в силу этого, поддающихся проверке, верификации.

Здесь мы вплотную подходим к определению политической социологии. Известно, что всякая наука определяется своим методом и предметом. Метод социологии и, собственно, политической социологии – совпадает. На этом основании ряд ученых (напр., Т. Парсонс) ука-

зывают на трудность или даже невозможность разграничения обеих наук. Однако по своему предмету политическая социология, несомненно, имеет весьма определенные черты самостоятельной научной дисциплины. Дело в том, что областью ее изучения является политический процесс, т.е. та сфера общественной жизни, которая, несмотря на свою актуальность, мало изучена, традиционно окутана непроницаемой завесой тайны и всего менее желающая раскрыть закономерности своего функционирования. Изучение этих проблем имеет давнюю традицию, восходящую к Аристотелю, Макиавелли, Монтескье, а в новейшее время представленную трудами Вебера, Моски, Парето и их последователей. Поэтому политическая социология находится на стыке социологии и политологии и может интерпретироваться как применение социологических методов к решению традиционных проблем политической науки. «Наиболее просто, – пишет С. М. Липсет, – политическая социология может быть определена как дисциплина, изучающая взаимоотношения между обществом и государством, между социальным строем и политическими институтами». В соответствии с этим центральными проблемами данной науки оказываются социальная стратификация; социальный конфликт; изучение механизма власти и управления.

Понятно, что рассмотрение их наиболее целесообразно проводить на материале формальных организаций, поскольку для них уже в силу самой природы их возникновения свойственна максимальная регламентация общих принципов, структур и процедур функционирования, находящих, как правило, официальную санкцию в действующем праве. Классическим примером формальной организации служит в социологии бюрократия, исследование которой позволяет понять механизм власти, управления и принятия решений в каждом данном обществе. Поэтому в настоящей книге основные проблемы политической социологии рассматриваются главным образом на значительном материале конкретных исследований бюрократической организации с древности до настоящего времени.

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

§I. В любом обществе, как известно, существует более или менее оформившаяся дифференциация слоев, групп и индивидов, разграничение которых можно провести в принципе по самым разнообразным признакам. На этом основана теория социальной стратификации – одного из центральных направлений современной социологии, ставящего своей задачей поиск, выявление и объяснение неравенства в обществе. Социология была первой наукой, поставившей своей задачей изучение общества как единого целого, тотальности, преодолевая таким образом традиционно имевшее место преимущественное внимание к отдельным аспектам социальной системы. Основной для нее стала поэтому концепция социальной структуры, т.е. систематического взаимодействия форм поведения или деятельности в различных обществах. В современной науке данный подход нашел наиболее полное обоснование в структурализме, ставящем своей задачей поиск такого рода структур в различных регионах и на разных этапах истории человечества. Всякая социальная структура, по словам Ж. Гурвича, может быть определена как «неустойчивое равновесие, непрерывно воссоздающееся благодаря обновляющимся условиям, между множеством иерархий внутри социального явления макросоциологического характера; она представляет лишь сектор или аспект этого явления. Это равновесие множества иерархий подкреплено и спаяно моделями, знаками, символами, социальными ролями, ценностями и идеями, короче говоря, произведениями культуры, свойственными этим структурам». При таком подходе открывается возможность сравнительно-исторического и эмпирического изучения тех проблем, которые ранее были исключительным предметом философских рассуждений в моральных сентенциях всякого рода. Это наблюдение относится в первую очередь к изучению социальной дифференциации. Дело в том, что разделение общества на классы или страты, которое формирует иерархию престижа и власти, представляет собой практически универсальную черту социальной структуры, которая всегда привлекала к себе внимание философов и социальных мыслителей. Но только благодаря современной социологии она начала становиться предметом критического и аналитического изучения.

Учение о социальной стратификация, будучи создано по аналогии с некоторыми разделами естественных наук (в частности – геологии) было призвано создать универсальную сеть социального деления – от самых крупных до самых мелких его структур. Необходимо отметить, что в настоящее время нет единой социологической теории, которая объясняет полностью природу социального деления. Социологи прошлого думали, что они открыли законы (главным образом в сфере социальной эволюции), с помощью которых эта задача может быть решена. В настоящее время наука об обществе ставит перед собой гораздо более скромные задачи – выработку четких методов и понятий для аналитического изучения проблемы, анализ большого сравнительно-исторического материала и классификацию выявленных явлений. В то же время существуют такие общепринятые понятия, как, напр., социальная структура, институт, функция, социальный класс, статус, мобильность, бюрократия, которые признаются всеми исследователями и составляют необходимый инструментарий при проведении исследований и в ходе научных дискуссий.

В рамках теории социальной стратификации под «стратом» может пониматься самое разнообразное социальное образование – от «класса» в почти марксистском его понимании до небольшого слоя, группы или даже маргинальной группы, выделяемых по различным критериям, напр., по национальному, половому или возрастному принципу, профессиональной принадлежности или образованию. Теория социальной стратификации, следовательно, в снятом виде включает в себя теорию классового деления, но стремится пойти дальше нее, ставя своей задачей максимальное выявление всех структур, реально существующих в обществе.

При этом следует учитывать разграничение современной социологией двух принципиально различных видов социальных образований – социальных групп и так называемых квазигрупп. Социальная группа может быть определена как такое объединение индивидов, в котором существуют определенные отношения между входящими в него индивидами и каждый из них осознает свою принадлежность к группе и ее символы.

Иначе говоря, социальная группа должна иметь как минимум установившуюся структуру и организацию (включая сюда правила, ритуалы, нормы поведения и т.д.) и наличие психологической основы сознания ее членов. Семья, деревня, нация, профсоюз, партия представляют собой социальные группы в данном смысле. Квази-группа, напротив, является таким социальным объединением, в котором отсутствует структура или организация и члены которого могут не осознавать или осознавать лишь в небольшой мере свою принадлежность к нему. Социальные классы, статусные группы, половые и возрастные группы, толпы является примерами подобных квази-групп. Как показывают, однако, эти примеры, границы между группами и квази-группами весьма подвижны и изменчивы: квазигруппы могут постепенно превратиться в группы, как, напр., классы – приобрести партийную организацию, а феминистическое движение – свою ассоциацию. Согласно данному подходу классы, поскольку они представляют собой реальное социальное явление, могут быть определены как группы, не являющиеся закрытыми, но относительно открытыми. Их базис несомненно экономический, хотя они представляют собой нечто большее, чем экономические группы. Классы в таком понимании, т.е. как оформившиеся социальные образования, характерны для индустриального общества, развивающегося в странах Европы примерно с XVII в. Определенные проблемы возникают при определении числа классов, а также изменений в их составе. Большинство социологов признает существование высшего класса (включающего собственников большей части экономических ресурсов общества), рабочего класса (главным образом наемных рабочих) и среднего класса или классов – наиболее размытой группы, в состав которой обычно включает людей либеральных профессий и белые воротнички). Для некоторых обществ признается целесообразным также выделение четвертого класса – крестьянства. Таким образом, деление по классовому признаку позволяет понять некоторые существенно общие тенденции развития социальной структуры.

Одним из основателей теории социальной стратификации в современной социологии признается поэтому К. Маркс, которому принадлежит первая попытка систематического изучения деления общества на классы в соответствии с единым – экономическим критерием. Такой подход к обществу, состоящий в изучении социальных структур и противоречий между ними, оказался весьма перспективным и составил основу всех последующих теорий социальной стратификации. Выдвинутое Марксом понятие «класс» – стало центральным для всей его теории общества и социальных изменений, оказавшись значительным шагом вперед в разработке этих проблем. Хотя современная социология считает понятие «класс» не вполне приемлемым (из-за его абстрактности и невозможности применения в строгом смысле слова ко всем эпохам за исключением индустриальной), важно подчеркнуть, что большинство новых течений социальной стратификации сформировалось под определенным воздействием марксистского понятийного аппарата или представляет собой по меньшей мере реакцию на него. Указанное воздействие могло быть только косвенным, а не прямым, поскольку марксизм и современная социологическая теория формировались на основе различных философских традиций, имели различные идейные ориентации и опирались на уровень научной мысли разного времени. С течением времени ортодоксальный марксизм, превратившись из научного учения в политическую идеологию, оказался не способен интегрировать достижения общественных наук своего времени.

Стремление отдельных мыслителей, как Бухарин, Лукач, Грамши, найти точки соприкосновения между прогнозами Маркса и действительностью современного мира не получило

дальнейшего развития. Особенно негативны были последствия такой ситуации в области теории социальной стратификации, которая строилась на материале общества, принципиально отличного от того, с которым имел дело Маркс. Из этого следует необходимость критической проверки многих положений данного учения с точки зрения их соответствия новому историческому опыту.

Суммируя основные критические возражения относительно марксистской теории классов в современной социологии, можно свести их к следующим принципиальным положениям. Во-первых, эта теория, по мнению большинства западных исследователей, не отражает адекватно реальную структурную дифференциацию в экономической, социальной и политической областях жизни общества, особенно современного. Можно, в частности, констатировать значительно большую, чем мог наблюдать Маркс, структурную дифференциацию современного общества, понять которое нельзя без введения ряда новых параметров социальной стратификации, в том числе для разграничения социальных групп по отношению их к собственности на средства производства, участию в управлении им, роли в бизнесе, профессиональной специализации, квалификации и т.д., которые непосредственно сказываются на статусе, престиже и благосостоянии индивидов в обществе. Во-вторых, марксистская социология, традиционно сосредотачивая основное внимание на производственных отношениях, имеет тенденцию к преуменьшению значения разнообразных иных структурирующих факторов, имеющих огромное, а иногда и решающее значение, как, напр., отношение власти или родства в примитивном обществе. В-третьих, марксистская теория склонна к преуменьшению различных культурных факторов, играющих большую роль в определении поведения. Между тем сохранение стабильности общества или его изменения во многом зависят от таких факторов, как господствующие ценности, религиозные воззрения, научные идеи, значение которых возрастает, в частности, в условиях научно-технического прогресса, рационализации общества. Данная критика классово-теории исходит, как мы видели, прежде всего из чрезвычайной абстрактности категорий исторического материализма, являющихся скорее продуктом философского синтеза нежели социологического обобщения.

Крупнейший шаг в развитии теории социальной стратификации был сделан М. Вебером, который, стремясь преодолеть априорность философского подхода к обществу, отталкивался от концепции Маркса, а отчасти развивал его взгляды. Вопрос о том, до какой степени можно говорить о преемственности в воззрениях обоих мыслителей, вызвавший большую дискуссию в современной науке, не входит здесь в предмет нашего специального рассмотрения. Ограничимся, поэтому, указанием на тот факт, что основные проблемы теории Маркса – отношение экономики и общества, социальная стратификация и социальный конфликт, природа власти – стали предметом размышлений также и Вебера, а его выводы несомненно в значительной степени можно понять, как поиск альтернативы марксистской концепции.

Для подхода Вебера к стратификации характерен поиск более дробной, чем у Маркса, системы их классификации с целью учесть более мелкие социальные деления. Этим объясняется выделение Вебером трех ярусов классификации – социального, экономического и юридического – вместо одного (экономического), причем каждый из них представлял собой особую систему ранжированных группировок. Первый – социальный ярус подразделяется на различные статусные группы, выделение которых происходит в соответствии с их статусом, т.е. степенью уважения и почета, производных от таких факторов, как образ жизни, образование, профессия и т.д. Второй – экономический ярус подразделяется на социальные классы, различающиеся по своей роли в рыночных отношениях, участию в распределении собственности и доходов. Третий – юридический ярус включает различные группы, стратифицирующиеся по своему месту в политической системе и отношению к власти. Положение их при этом определяется двумя предшествующими характеристиками – статусом и экономическим положением.

Эти общие принципы веберовской социологической теории позволяют лучше понять его подход к проблеме стратификации.

Если Маркс выделял только один критерий разделения общества – отношение различных его слоев к средствам производства (и, соответственно, участию в распределении материальных благ), то Вебер выделял три таких критерия – класс, статус и власть, которые отнюдь не пересекаются между собой и позволяют составить более детальную картину общественных отношений. Так, история знает социальные слои (классы), пользующиеся благосостоянием (как буржуазия при старом порядке), но не имеющие высшего статуса, престижа и власти, слои, наделенные статусом (напр., дворянство), но в меньшей степени располагающие благосостоянием и властью, наконец, такие, которые имеют только один признак – власть (бюрократия), не имея других. С таким триединым подходом к социальной стратификации Веберу удалось в ряде случаев дать более сложную картину социального деления и отношений в обществе, чем его предшественникам. Мы увидим в дальнейшем, что такой подход давал возможность изучать многие социальные закономерности на микроуровне. В качестве примера можно привести анализ противоречий классов и статусных групп, находящихся выражение в структуре власти и положении бюрократии.

Различие концепций Маркса и Вебера, а также сходные их черты всего отчетливее проявились в понятии «отчуждения», интерпретации конфликта общества и отдельного индивида. Для Маркса при изучении общества важнейшими были отношения собственности на средства производства, для Вебера – отношения власти. В соответствии с этим для первого из указанных мыслителей отчуждение личности от общества является следствием эксплуатации, выражением отделения производителя от средств производства. Для второго оно является следствием отношений власти, выражением рационализации и бюрократизации общества. Как показано в современной социологической литературе, оба подхода, однако, не особенно противоречат друг другу, а скорее взаимодополняемы. Власть, означающая контроль над средствами производства, фактически тождественна с собственностью на них. Эта тенденция прослеживается особенно четко в сверхбюрократизированных обществах новейшего времени.

Власть определяется по Веберу как возможность для группы или индивида осуществлять свою волю, несмотря на сопротивление ей в обществе. Власть зависит от обладания определенными ресурсами (а точнее правом распоряжаться ими) в рамках существующей социальной организации. Современное государство (бюрократия), все больше монополизирующее функции контроля над экономикой, административным аппаратом и армией, становится доминирующим институтом, оказывавшим активное обратное воздействие на процесс социальной стратификации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.